

Эго-документы истории политического террора в Казахстане

А. С. Жанбосинова, С. С. Жандыбаева, А. Т. Казбекова

Для цитирования: *Жанбосинова А. С., Жандыбаева С. С., Казбекова А. Т.* Эго-документы истории политического террора в Казахстане // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 797–809. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.307>

Междисциплинарные подходы расширили исследовательское пространство истории политических репрессий 1920–1950-х гг. Всплеск интереса к документам личного происхождения в историографии постсоветского пространства обусловил обращение к эго-документам — личным письмам жертв политических репрессий. Исследование основано на архивно-следственных материалах Специального государственного архива Министерства внутренних дел Республики Казахстан. Введение в научный оборот нарративных источников позволяет услышать историю политических репрессий изнутри, снизу, прочувствовать психологию террора. Письма представителям власти затрагивали комплекс проблем, связанных с нарушением социалистической законности на местах, особенно это касалось периода политических репрессий. Основной посыл писем, направленных первым руководителям советского государства, — чудовищность обвинения статьи 58-й УК РСФСР, нелепая ошибка, совершенная советским правосудием. Политическая 58-я статья УК РСФСР уравнила мужчин и женщин в определении вины и наказания. Срок наказания и «высшая мера социальной защиты» не делили «врагов народа» по половому признаку, вместе с тем статус репрессированного обусловил вариативность поведения мужчин и женщин, что получило отражение в письмах. Эго-документы — это микроистория «Большой эпохи» в восприятии «маленького человека», в фокусе личного пространства неизвестных историй людей, оказавшихся в мясорубке политического террора. Воссоздавая контекст репрессий, документы демонстрируют реакцию человека на обвинительный приговор, на применяемое к нему насилие. Цель статьи — раскрыть когнитивный потенциал эго-документов в трансляции истории политических репрессий. На основе теоретических концептов лингвистического, нарративного подхода конструируется историческое прошлое политических репрессий, представленных эго-документами жертв политического терро-

---

Альбина Советовна Жанбосинова — д-р ист. наук, проф., Евразийский Национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, 010008, Нур-Султан, ул. К. Сатпаева, 2; sovotuk@rambler.ru

Albina S. Zhanbosinova — Dr. Sci. (History), Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2, ul. K. Satpayeva, Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; sovotuk@rambler.ru

Сауле Сериковна Жандыбаева — PhD, докторант, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Казахстан, 070010, Усть-Каменогорск, ул. 30-й Гв. Дивизии, 34; 1209saule@gmail.com

Saule S. Zhandybayeva — PhD, doctoral candidate, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, 34, ul. 30-i Gv. Divizii, Ust'-Kamenogorsk, 070010, Republic of Kazakhstan; 1209saule@gmail.com

Айнур Татимбековна Казбекова — ст. преп., Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Казахстан, 070010, Усть-Каменогорск, ул. 30-й Гв. Дивизии, 34; akasbekova2008@mail.ru

Ajnur T. Kazbekova — Senior Lecturer, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, 34, ul. 30-i Gv. Divizii, Ust'-Kamenogorsk, 070010, Republic of Kazakhstan; akasbekova2008@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

ра. Дискурсивная оценка письма предполагает его интерпретацию как реконструкцию социокультурной памяти о трагическом прошлом, оставившем культурную травму в семейном фрейме памяти. Каждое письмо имеет свой голос, внутреннее «Я», транслируя повседневные практики политического террора.

Ключевые слова: Казахстан, политические репрессии, эго-документы, микроистория, нарратив, историческая память.

Ego-documents of the History of Political Terror in Kazakhstan

A. S. Zhanbosinova, S. S. Zhandybayeva, A. T. Kazbekova

For citation: Zhanbosinova A. S., Zhandybayeva S. S., Kazbekova A. T. Ego-documents of the History of Political Terror in Kazakhstan. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 3, pp. 797–809. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.307> (In Russian)

Interdisciplinary approaches have expanded the research space of the history of political repression of 1920–1950s. The surge of interest in documents of personal origin in the historiography of the post-Soviet space led to an appeal to ego-documents — personal letters from victims of political repression. The study is based on archival and investigative materials of the Special State Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. Introduction of narrative sources into the scholarship enables to hear the history of political repression “from inside”, “from below”, to feel the psychology of terror. Letters to the authorities touched upon a complex of problems related to the violation of socialist legality in the field, especially in the period of political repression. The main message of the letters sent to the first leaders of the Soviet state was the monstrosity of the accusation of Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR, the ridiculous mistake made by Soviet justice. The purpose of the article is to reveal the cognitive potential of ego documents in articulating the history of political repression. Based on the theoretical concepts of a linguistic, narrative turn, the historical past of political repressions, represented by ego documents of victims of political terror is constructed. A discursive assessment of the letter suggests its interpretation as a reconstruction of the sociocultural memory of the tragic past that left a cultural trauma in the family frame of memory. Each letter has its own power of power, the inner ‘I’ voices the daily practices of political terror.

Keywords: Kazakhstan, political repression, ego-documents, microhistory, narrative, historical memory.

История политических репрессий СССР периода 1920–1950-х годов продолжает оставаться актуальным научным трендом на современном этапе. Репрессивная политика советского государства стала объектом исследовательского интереса, ввиду введения в научный оборот ранее секретных документов, в том числе архивно-следственных материалов, сохранивших множество личных документов жертв террора. Необходимость формирования нового научного знания на основе выявленных документов детерминировала обращение к проблематике политических репрессий указанного периода.

«Стратегия присвоения»¹ расширила исследовательские границы, способствуя концептуальному переосмыслению и появлению в последнее десятилетие класси-

¹ Савельева И. Что случилось с «Историей и теорией?». М., 2011. URL: https://igiti.hse.ru/data/2011/07/16/1215209161/WP6_2011_03_ff.pdf.

ческих монографий, посвященных истории политических репрессий². Указанные работы ввели в научный оборот значительный объем архивных документов, раскрывших алгоритм реализации политических репрессий.

Большой террор в Казахстане на материалах Центрального государственного архива представлен в монографии И. Козыбаева³. Перспективным направлением является изучение личных дел чекистов и архивно-следственных дел репрессированных, раскрывающих страницы политического террора в освещении его непосредственных участников и жертв⁴.

В последнее время в историографии постсоветского пространства наблюдается всплеск интереса к документам личного происхождения. Появились издательские серии «Документы советской эпохи», «Повествование в документах», их масштаб свидетельствует о возникновении нового проблемного поля, возвращении «нарративной истории», а именно «мемуарно-биографической продукции и документов, созданных маленькими людьми»⁵. Обращение к нарративным источникам позволяет посмотреть на историю политических репрессий изнутри, с позиции обычного гражданина, почувствовать психологию террора.

Междисциплинарное многообразие сюжетов микроисторических подходов, предложенных немецкими, итальянскими и другими историками⁶, распахнуло личное пространство «незамечательных людей»⁷. Текущая ситуация мировой историографии демонстрирует, что историки от «изучения событий» перешли к «изучению состояния»⁸; масштабная история с великими людьми отошла в сторонку, дав слово неизвестной личности. Эго-документы, как источник, свидетельствующий о коммуникациях общества и власти, дают почувствовать вкус и запах эпохи⁹.

Авторство термина «эго-документы» принадлежит западным специалистам¹⁰. Само понятие было предложено в 1958 г. Ж. Пессером, и, учитывая функциональ-

---

² См.: Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. М., 2010; «Включен в операцию»: Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М., 2010; Большой террор в Алтайском крае 1937–1938 гг. Реализация приказа НКВД № 00447. Барнаул, 2014; Большевицкий порядок в Грузии: в 2 т. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике. М., 2015; Мозохин О. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953). М., 2018.

³ Козыбаев И. «Большой террор» в Казахстане. Алматы, 2019.

⁴ Жанбосинова А. Борис Чирков и Лев Залин: к биографии руководства НКВД Казахской ССР // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). С. 1–11.

⁵ Зарецкий Ю. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история. Ежегодник. СПб., 2008. С. 329–340. URL: <http://visantrop.rshu.ru/article.html?id=1167089> (дата обращения: 08.04.2020).

⁶ См., например: *Ле Руа Ладюри Э.* Монтаю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001; *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000; *Дэвис Н.* Дамы на обочине: Три женских портрета XVII века. М., 1999; *Репина Л.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999.

⁷ *Пушкарева Н.* История повседневностей // Теория и методология истории. М., 2014.

⁸ *Голубинов Я.* Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. С. 1–9.

⁹ *Савин А.* Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник НГУ. 2016. Т. 15, № 8: История. С. 133–145.

¹⁰ См.: История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6.

ное содержание эго-документов, их вполне можно соотнести с источниками личного происхождения¹¹. В. Шульц предложил расширить интерпретацию, включив в нее административно-судебные и финансовые источники, где есть рассказ человека о себе¹². Эго-документы и источники личного происхождения отражают «мир отдельной личности “Я” и ее социально обусловленные параметры “Мы”»¹³, соединяя междисциплинарность исследовательской практики.

Отметим, что эго-документы могут стать точкой доступа к миропониманию и эмоциональному состоянию индивидуума из прошлого, ставшего объектом исследования в настоящем. Основы науки, занимающейся изучением эмоций, — эмоциологии — были заложены школой Анналов, обозначены Я. Плампером как «эмоциональный поворот» в междисциплинарной интеграции¹⁴. В исследовательской практике конструирования эмоций предлагаются различные методологические концепты и терминологии, как например «эмоциональный режим», «эмоциональное сообщество», «эмоциональные практики», «эмоциональный интеллект», «культура страха»¹⁵. И хотя атмосфера страха, присущая тоталитарному режиму, визуализирована в образе «черного воронка», мы полагаем, что эмоциональный опыт жертв политических репрессий мог быть разным в зависимости от множества сопутствующих факторов.

Теоретические концепты лингвистического, нарративного, эмоционального поворота представляют индивидуальную историю в социальных структурах и социально-пространственных полях. Конструируя историческое прошлое политических репрессий, авторы основываются на эго-документах, ограниченных временными рамками и персональными сюжетами. Дискурсивная оценка письма предполагает его интерпретацию как реконструкцию социокультурной памяти о трагическом прошлом, оставившем культурную травму в семейном фрейме памяти.

Эго-документы из архивно-следственных дел

Архивно-следственные материалы, относимые к судебно-следственной документации¹⁶, представляют индивидуальный источник, содержащий информацию о жертве политических репрессий, став хранилищем «Я» конкретного подследственного. Материалы следствия, как документация НКВД, имели единую информационную структуру, различие состояло лишь в содержании протоколов, агентурных донесений, в объеме личных источников: анкета, автобиография, документы, письма, фотографии, дневники и пр. Изредка встречались последние два

---

¹¹ См.: Дунаева Ю. Эго-документы в исторической науке XX — начала XXI в. // Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 15.

¹² См.: Зарецкий Ю. Свидетельства о себе «маленьких» людей. С. 329–340.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Плампер Я. История эмоций. М., 2018.

¹⁵ См., например: Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions, Cambridge, 2001; Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History / The American Historical Review. 2002. Vol. 107, no. 3. P. 821–845; Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory. 2012. Vol. 51, no. 2. P. 193–220; Fisher R. Culture of Fear: A Critical History of Two Streams. P. 1–57. URL: <http://hdl.handle.net/1880/112318> technical report. 18.07.2020 (дата обращения: 15.10.2020).

¹⁶ Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004.

источника личного происхождения, представляющие особый предмет исследования. Основу статьи составили архивно-следственные материалы из Специального государственного архива МВД и региональных департаментов полиции Казахстана. Выявленный комплекс ретроспективных эго-документов представлен личными письмами, собственноручно написанными автобиографиями и пр. В большинстве своем обнаруженные письма имеют статус рукописного подлинника, за редким исключением переводы писем с латиницы и казахского языка представлены машинописной заверенной копией.

Жертвы репрессивной политики, находясь в местах заключения, в тюрьмах НКВД, на этапе, писали прошения. Письменные обращения к власти, письма их близких родственников, пытавшихся узнать о судьбе арестованных и осужденных, подшивались в личное дело.

При работе с корреспонденцией «подбирались письма, отражающие наиболее типичные явления, эмоционально отражающие типичную ситуацию»¹⁷. В частности, авторы опирались на интент-анализ в сочетании с контент-анализом с целью выявления скрытых намерений авторов посланий, а также фактов, получивших отражение в тексте.

Советская власть инициировала письма-обращения, доносы, жалобы¹⁸. Писали все и обо всем, письма выражали политические симпатии и антипатии, их авторы жаловались и доносили. Письма поднимали комплекс проблем, связанных с бюрократией на местах, насилием периода коллективизации, социальными проблемами, социалистической законностью и пр. При этом, не доверяя власти на местах, писали в Москву, в центральный аппарат, обращаясь напрямую в форме диалога к Ленину, Сталину, Калинин и т. д.

Статья 58 УК РСФСР уравнила гендерный вопрос: срок наказания и «высшая мера социальной защиты» не различали «врагов народа» по половому признаку. Показатель социальной стигмы — статус репрессированного — обуславливал вариативность поведения мужчин и женщин¹⁹, что получило отражение в письмах. Женские письма наполнены эмоциональным накалом, насыщены фразеологическими оборотами, они менее структурированы и не столь категоричны, как мужские, в них нет резкости. Мужские письма, как правило, логически выстраивали вероятные причины ареста. Стилистика и орфография мужских писем в большей степени несет в себе сокращенный концепт, как например: «след. НКВД», «р-ный НКВД» и т. д. Все авторы писем просили пересмотреть дело и снять обвинение. Отметим, что женщины зачастую пытались решить материальные вопросы: «Во время ареста была опечатана моя квартира, ни описи, ничего мне не дали. Там в ящиках остались облигации на сумму 1400 рублей»²⁰.

Инстинкт самосохранения авторов детерминировал типичность модели поведения, единый алгоритм действий, отраженный в письмах. Первый шаг: автор

¹⁷ *Попова А.* «Когда же она кончится, эта руководящая власть КПСС?»: образ власти в сознании советских людей во времена перестройки // *Новый исторический вестник.* 2015. № 43. С. 68–81.

¹⁸ *Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям.* М., 1998.

¹⁹ *Мид М.* Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. М., 2004.

²⁰ Архивно-следственное дело А. П. Никитиной // Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (далее СГА ДП ВКО). Ф. 19. Оп. 2. Д. 1955. Л. 18.

информирует, что арест — это нелепая, чудовищная ошибка, основанная на клевете и пр. При этом текст подкрепляется различными фразеологическими оборотами. Второй шаг: попытка охарактеризовать события прошлого, разоблачить, обозначить вероятных виновников из круга общения: односельчане, коллеги, соседи и пр. Скрытые намерения автора направлены на иллюстрацию его критического отношения к моральному облику предполагаемых виновников его ареста. Максимально разоблачая этих людей, автор письма информирует, что: «Виновным за это является какой-то клеветник, делающий себе карьеру на ложных доносах»²¹. Текст письма намеренно привлекает внимание к факту, что автор вскрыл «осиное гнездо вредителей»²², но вредители опередили его, в результате автор оказался в тюрьме/лагере НКВД. Третий шаг: автор иллюстрирует свою невинность автобиографией, приводит факты, документы, имена и т. д. Осужденный внесудебными органами человек не понимал, что и он сам, и те лица, которые якобы были виновны в его аресте, стали жертвой репрессивной машины НКВД. Автор фразы: «...люди мстили мне и клеветали на меня, чтобы забрать меня вместе с собой...»²³ даже не подозревал, что те, кто, возможно, клеветал на него, сами погибли в ходе репрессий.

Индивидуальность эго-документов жертв политических репрессий определялась географией отправителя письма, обстоятельствами жизни до ареста, адаптацией в местах заключения и выбором модели поведения.

Общим явлением, точнее структурной частью каждого письма, была подробная автобиография. Клишированные мыслеобразы авторов («Я» и «Родина», «Я» и «Патриот») связаны с историей советской страны, демонстрацией тождественности и неразделимости понятий. Обязательно утверждается о связи через рождение и воспитание с советской страной, как например: «я — Советский сын», «18 лет я воспитывался в духе коммунизма», «Я рождения 1917 года, сын и ровесник Октябрьской революции». Каждый автор обозначал отсутствие связи с категорией «бывших», указывая: «...мне ставится в вину сокрытие своего социального происхождения, которое я совершенно не скрывал, а именно: я родился в 1914 году в Баян-Аульском районе в семье скотовода-бедняка...». Немалое внимание уделялось социальной истории семьи: «Родители... не имели ни земли, ни домов. <...> из-за бедности не мог получить даже среднее образование. <...> В царской армии и у белых не служил, чинов и орденов не имел»²⁴. Письма сопровождалась справками и ходатайствами сельских советов: «он середняк, чужим трудом не пользовался, в агитации замечен не был, политически неопасный, в чем просим освободить..., как завоевателя советской власти». Индивидуальность автора исчезала в маркере «советский гражданин», где «Я» пытался доказать свою принадлежность и полезность, «Я» как все, «Я» свой.

Дискурс советской идентичности, носивший «манихейский характер — либо ты союзник советской власти, либо враг»²⁵, обусловил поведенческие стратегии, направленные на максимальную социализацию «бывших». Личная документация

²¹ Архивно-следственное дело А. Кусаинбекова // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2748. Л. 32.

²² Там же.

²³ Архивно-следственное дело Ж. Увалиева // Там же. Д. 764. Л. 82.

²⁴ Архивно-следственное дело Г. П. Ризенко // Там же. Д. 2778. Л. 61.

²⁵ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

выстраивалась под обозначенные маркеры советской идентичности. Лаконичные фразы в биографии «не привлекался», «не судился», «не имею» и т. д. проверялись в ходе чисток, обман или умолчание грозили изгнанием из советского общества.

Эго-документы функционально служили идентификационной заявкой принадлежности к советскому обществу. Содержание писем в динамике советского строительства демонстрировало попытки авторов адаптироваться к советскому новоязу²⁶. Семантические обороты писем советских граждан содержали торжественно-героическую тональность, как например: «...я увидел счастливую радостную жизнь, построенную нашим Любимым Лениным Вождем мирового пролетариата Иосифом Виссарионовичем Сталиным», «буду и был полезным строительству социализма», «я свято верю в правосудие советского закона»²⁷.

«Уважаемый — Дорогой...» (письма к членам правительства)

Письма жертв политических репрессий в адрес руководителей советского государства взывали к справедливости. Наибольшее количество индивидуальных обращений связано с И. В. Сталиным, «маленький человек» персонифицировал власть, пытаясь решить жизненно важный вопрос. «Я» обращалось к власти в лице «Многоуважаемого, родного Иосифа Виссарионовича Сталина». Интенции письма подчеркивали уникальность и феноменальность политической фигуры вождя: «Работая и ежедневно видя на деле рост нашей страны, я навеки крепко предан и восхищен Вами за силу воли, колоссальный кругозор, полюбил Вас давно за могущество ума, невероятную дальность зрения и бью челом за человеческую простоту и доброту. Вы остались таким же, каким были, добрым, внимательным, простым, любящим другом, руководителем-товарищем»²⁸. Авторы, упоминая «дорогого Иосифа Виссарионовича», фактически исповедовались ему²⁹; цитируя Сталина, демонстрировали информированность о содержании его выступлений. Текст письма персонализировал божественность И. Сталина: «Вспоминаю дебаты, беседы. В одной из них было заявлено: “Сильна и бесконечна лишь та власть, которая замечает не только большое, знает не только видных людей... которая знает и большое и малое, и видных и рядовых граждан. Слушает не [только] определившихся, но и тех, которых величают просто жителями, ибо жизнь подобна химии: не положили незначительной капли простого реактива в анализируемое — неправильный анализ, пропали труды”»³⁰. В каждой строчке письма звучит искренняя преданность в сочетании с тоской о невозможности вернуть некогда тесные личные взаимоотношения и вместе с тем надежда, что «любимый Сосо» прочтет письмо, случится чудо, и он (автор) окажется на свободе, вновь войдя в число «видных»³¹.

В прямом обращении к И. В. Сталину авторы приносили свои извинения, что вынуждены отрывать его от государственных дел. За благодарственным призна-

²⁶ См.: Савин А. Письма во власть...

²⁷ Архивно-следственное дело Е. Шаламова // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1459. Л. 43.

²⁸ Архивно-следственное дело И. З. Бадирьян // Специальный государственный архив Министерства внутренних дел Республики Казахстан (далее СГА МВД РК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 608. Л. 24-25.

²⁹ См.: Зайцев П. «Письмо товарищу Сталину» как исповедальная форма самосознания советской интеллигенции // Омский научный вестник. 2015. № 3 (139). С. 59-61.

³⁰ Архивно-следственное дело И. З. Бадирьян // СГА МВД РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 608. Л. 24.

³¹ Там же. Л. 25.

нием автора, «как хорошо в стране советской жить», следовало изложение истинной сути его прошения: «Обращаюсь к Вам, родной Иосиф Виссарионович, прошу снять эту чудовищную клевету, повторяю, что врагом народа я не был и не мог быть, ибо я воспитан коммунистической партией. Считаю, только враги народа могли выдумать ложь с целью оклеветать честного преданного солдата социалистической родины, и этим самым нанести вред коммунистической партии, любимой социалистической родине»³².

Письма представителям власти — «единственный широко доступный советский источник, сохранивший для нас голос жертв сталинизма»³³, свидетельствующий о применении по отношению к ним жестокого насилия: «Дорогой Иосиф Виссарионович, я до сего времени с ужасом переживаю свой допрос. пытки, избивание, оскорбление в течение 4-х суток, так сломили мою силу воли, сломили твердое убеждение, и я подписал все, что было заранее написано»³⁴.

Кроме Сталина, жертвы террора активно писали Л. Берии, М. Калинин, А. Вышинскому, в архивно-следственных делах встречаются обращения на имя Л. Мирзояна, К. Ворошилова, Н. Ежова и др. Усиленная атрибутика в обращениях к указанным лицам практически не используется, в редком случае употребляется прилагательное «уважаемый». Персональная идентификация отражена упоминанием статуса и фамилии, как например: «наркому НКВД СССР Берия», «председателю Президиума Совета СССР Ворошилову» и т. д. Посыл письма аналогичен, речь идет о жалобах на бездействие местных органов власти, на допущенные перегибы в отношении автора, на нарушение социалистической законности и т. д. Мотив обращения к власти: «чудовищная несправедливая допущенная по отношению ко мне [ошибка] заставляет обратиться к Вам с настоящей жалобой»³⁵. Авторы просили «...помочь реабилитироваться... снизить срок лишения свободы до минимума»³⁶. «Я» принимали любое решение, лишь бы быть услышанными властью.

Эмоциональное состояние авторов отражалось в прямой констатации факта: «Прошу вас, многоуважаемый Николай Иванович, вашего помилования и вернуть меня до своих детей и своим родителям. Я нахожусь в очень тяжелом положении, я в Темир Актюбинской области нахожусь уже четыре месяца, совсем раздетая и больная. Когда меня забрали в тюрьму, то я была одета в одно только платье, но за 9 месяцев просидевши в тюрьме и четыре месяца в Темире, оно уже все износилось, и я уже осталась раздетая и босая, и купить не на что, и поддержки ни от кого нет. Родители старые, еще дети учатся, ждут от меня поддержки, но я тоже нахожусь в тяжелом состоянии. Прошу вашего помилования и вернуть меня к своим детям. Я ничего не знаю, за что и на сколько меня отправили в город Темир. Уже сегодня 25 октября, уже год как я отнята у своих детей. Прошу вас, Николай Иванович, вашего помилования и вернуть меня к своим детям»³⁷. Письмо демонстрирует

³² Архивно-следственное дело У. Нурмагамбетова // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 921. Л. 105–110.

³³ Alexopoulos G. Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation under Stalin // *Law & Social Inquiry*. 1999. Vol. 24, no. 3. P. 637–654.

³⁴ Архивно-следственное дело К. Оразалина // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1088. Л. 224–226.

³⁵ Архивно-следственное дело А. Кусаинбекова // Там же. Д. 2748. Л. 24.

³⁶ Архивно-следственное дело М. Вашганова // Там же. Д. 3038. Л. 78.

³⁷ Архивно-следственное дело А. Жмеренецкой // Там же. Д. 1765. Л. 7–8.

«эмоциональный режим» и «эмоциональные страдания»³⁸ в фокусе повседневной жизни в статусе арестованной, сосланной как член семьи изменника родине.

Письма родных осужденных напоминают гадания на кофейной гуще, приводятся всевозможные варианты причины ареста, которых искали в религиозности и многоженстве, в личностях гостей, побывавших за гостеприимным казахским достарханом, а впоследствии ставших «врагами народа». Не отрицался и казахский трайбализм, в письмах указывали: «Нет, тут дело не в его преступлениях. Этот 70-летний старик не мог совершить ничего. Тут дело в том, что личные счеты, родовые недоразумения, родовая вражда в ауле послужили его аресту. Работники аулсовета, “активы” колхоза, которые арестованы после него, в целях защиты себя, карьеризма, в целях отвлечь внимание нашей разведки от себя напали на моего старика и оклеветали его немислимыми обвинениями. Это по нашим рассуждениям очевидно. Ибо других каких-либо преступлений старик в наших глазах не имел. Прошу разобрать дело и освободить невинного старика, который 3 года томится придатком клеветы и карьеризма»³⁹.

Авторы писем были уверены: «наш Советский орган ГПУ действительно по-пролетарски справедливо [смотрит на вещи] ... освободит меня от незаслуженного наказания и даст возможность опять заняться любимой педагогической деятельностью, быть активной участницей в стройке социализма»⁴⁰. Мир до ареста притягивал своей приватностью повседневного бытия, рациональностью рабочего ритма и ощущения причастности к свободному советскому социуму. Оказавшись в заключении, человек терял ориентиры и не видел будущего, подвешенность состояния и отсутствие вины детерминировали письменные обращения и попытку выкарабкаться, чтобы вновь стать полезным «любимому государству».

Особый интерес вызывают письма арестованных, проходивших по этническим операциям, в том числе тех иностранцев, кто, рискуя жизнью, переходил советскую границу в поисках лучшей жизни. В письмах на имя Л. Берии сквозило искреннее недоумение, почему продекларированные демократические свободы обернулись для перебежчиков заточением: «Следователь НКВД предъявил мне обвинение по ст. 58 п. 6., якобы я перешел Румынскую границу 9/III-32 г. с целью шпионажа, будучи подослан с этой целью Румынской контрразведкой, а не как добровольный переход границы. Я отрицал это ни на чем необоснованное обвинение и объяснял следователю, что перешел границу по собственному желанию по трем основным причинам. Первая причина избежать военную службу в румынской армии, вторая желание учиться, чего я в условиях капиталистической страны сделать не мог, не имея средств для своего образования, и третья причина яркое свидетельство освобождения из-под польского ига, западных белорусов и украинцев, какая «сладкая» жизнь была для них в панской Польше. Чего не миновали и мы в Бессарабии, зажатые в тисках капиталистической эксплуататорской Румынии»⁴¹. Перебежчики, осужденные Особым совещанием за незаконный переход границы, оказывались чаще всего в Семипалатинске. В период Большого террора они оказались объектом целевых операций НКВД: «Поскольку все перебежчики города были арестованы,

³⁸ Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions.

³⁹ Архивно-следственное дело Х. Сангиспаева // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 800. Л. 43-44.

⁴⁰ Архивно-следственное дело Е. Бородулина // Там же. Оп. 1. Д. 3743. Л. 38.

⁴¹ Архивно-следственное дело А. Мироненко // Там же. Оп. 2. Д. 2801. Л. 46.

на меня арест произвел тяжелое впечатление, считая, что идет проверка всех нас, и так как моя совесть чиста, не чувствуя за собой никаких замыслов против советской власти, кроме честной работы, я рассчитывала, что разберутся и выпустят... Я имела и имею полное доверие к органам НКВД, и если по каким-то причинам я должна была быть изолирована на некоторое время, готова подчиниться законам Советского правительства, но я не понимаю, почему меня опозорили и заклеили таким клеймом, как 58-й статьей? Совесть моя чиста, ибо [на] всегда возненавидела румынскую сигуранцу⁴², а жила и все время советской жизнью, радовалась достижениями сов. народа, и никакой вины и никаких замыслов против Советской страны не имела и никем не была завербована. По словам следователя, я должна была быть шпионом или чем-то вроде этого, так как была во многих странах (в Бельгии, Франции и Румынии)...»⁴³

«Ходатайствую об освобождении его впредь до суда, под расписку на полевые работы...»

Социально-экономическая модернизация сыграла роль спускового механизма в классовой идентификации сельского населения. Аулы, деревни Казахстана искусственно разделили на класс бедных и класс богатых. К противникам светлого колхозного будущего отнесли «бывших эксплуататоров» — бая и кулака, как представителей «изобретенных классов»⁴⁴. Социально-родовые коммуникации и иерархические отношения причудливым орнаментом вплелись в содержание политики советизации казахского аула. Протестное движение крестьян, неповиновение властям приводило к различным формам наказания согласно статье 58 УК РСФСР. Крестьянские письма, как индивидуальные, так и коллективные, адресовались вышестоящим руководителям, минуя районную власть, — областному прокурору, особо уполномоченному, представителям КАССР, КССР и СССР. Этот комплекс писем представляет собой специфический коммуникативный опыт адаптированного советского новояза, игравшего важную роль в крестьянской стратегии выживания. Дело доходило до того, что отчаявшиеся жены просили освободить мужей из-под ареста на время сельскохозяйственных работ: «Мой муж крестьянин пос. Озерского Калачев Степан Петрович по распоряжению Г.П.У. заключен в Семипалатинский дом лишения свободы... Вследствие наступления весенних полевых работ ходатайствую об освобождении его впредь до суда под расписку на полевые работы»⁴⁵. Предполагалось, что по завершении полевых работ он вновь вернется под стражу.

Адаптационные стратегии выживания толкали «классовых врагов» на фальсификацию документов и массовое бегство из лагерей и мест выселения. «Бывшие» конструировали документальное «Я», идя на подлог в классово-ориентированной анкете и автобиографии, при заполнении прочих формуляров. Все делалось для того, чтобы соответствовать советской идентичности по «ключевому класси-

⁴² Сигуранца — тайная полиция в королевстве Румыния, существовавшая с 1921 по 1944 г.

⁴³ Архивно-следственное дело Д. Гуровец // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 919. Л. 23–26.

⁴⁴ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 57–64.

⁴⁵ Архивно-следственное дело А. Калачева // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 697. Л. 111.

фикационному признаку о социальном положении»⁴⁶. Проникновение в колхозы бывшей байской элиты сопровождалось родовой борьбой в казахских аулах, в том числе в форме жалоб и доносов. Письма акцентировали внимание советской власти на наличие в казахском обществе родовых группировок. «Результатом наличия родового быта — среди Казакского (так в тексте. — *Авт.*) населения является непрерывная борьба родовых главарей между собой за экономическое и политическое господство над казахским народом, который в силу событий сам вольно или невольно, сознательно или несознательно втягивается в эту борьбу»⁴⁷. Отметим, что подобные письма, жалобы на казахский трайбализм, отражали субъективные интересы автора, представлявшего противоположную родовую группировку. Родовое деление, трайбализм официально фиксировались и признавались на всех уровнях советской власти. «Таково положение вообще в Казакстане и в особенности в Зайсанском уезде, где родовая борьба главарей принимает особо широкие размеры...»⁴⁸ Интересы автора заключались, с одной стороны, в заверениях своего соответствия критериям советской идентичности, в подтверждении невинности дополнительными документами, свидетельскими показаниями и т. п., с другой стороны, в попытке обелить себя, в том числе путем доносительства и очернения других.

Сочетание типичности поведенческих реакций авторов писем с неизменным набором клишированных фразеологических оборотов отмечалось Н. Козловой: «Обращение к исследованию “человеческих документов” дает возможность ощутить и показать, как именно по одним правилам начинают действовать люди, друг на друга абсолютно не похожие и обитающие в разных социальных пространствах»⁴⁹. Несмотря на общепринятые формы письменных обращений к власти, каждый эго-документ репрезентировал личность⁵⁰. Клишированные строчки писем, как нотные знаки, отражали тональность жизненной траектории автора. Правила письменных коммуникаций, имея единый стандартный набор, транслировали различные модели историописания повседневных практик политического террора. «Я» в обращении описывает личную трагедию, свою реакцию на пережитый опыт насилия, одновременно описывая факты нарушения социалистической законности. Сочетание двух форм памяти, «я — память» (декларация личных воспоминаний) и «меня — память» (обращение к чувствам, переживаниям, прошедшим событиям, местам памяти, где все происходило), демонстрировало взаимосвязь воспоминаний индивида и коллектива⁵¹.

В какой-то степени письма выполнили задачу, создали «иллюзию восстановления» справедливости⁵². Оценка результативности писем, обращенных представителям власти, не входила в задачи представленной статьи, вместе с тем отметим, что в некоторых случаях они помогли жертвам политических репрессий, например:

⁴⁶ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 25.

⁴⁷ Архивно-следственное дело А. Бекмухамедова // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4227. Л. 93.

⁴⁸ Там же. Л. 112.

⁴⁹ *Козлова Н.* Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // Социс. 2000. № 9. С. 22–32.

⁵⁰ См.: История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014.

⁵¹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2017.

⁵² *Савин А.* Письма во власть...

по жалобе А. А. Мачулайтис постановление дорожно-транспортного отдела НКВД ст. Аягуз о ее выселении как члена семьи изменника родины отменили; в результате жалобы начальнику НКВД Семипалатинской области о пересмотре дела Н. Полтаев был освобожден из-под стражи, а капитан С. Омаров за злоупотребление служебным положением и нарушение законности, выразившееся в фальсификации следствия по его делу, был арестован в дисциплинарном порядке на 10 суток⁵³.

Таким образом, эго-документы аккумулировали объем индивидуальной информации о жертве политического террора, сформировавшейся в результате системно-структурного познания его личности, в процессе следственного дознания. Подводя итоги, отметим, что:

1. Впервые введенные в научный оборот эго-документы, как составная часть архивно-следственных материалов, демонстрируют значительный потенциал и перспективность разработки писем на основе новых междисциплинарных методологических концептов в сочетании истории, психологии, эмоциологии, социологии, лингвистики и т. д.

2. Источники личного происхождения раскрывают микроисторию репрессий в трансляции ничем не примечательного «маленького человека» Советской страны, демонстрируют адаптационные практики жертвы по формированию идентичности в новом статусе в условиях нового для него социального пространства — тюремного или лагерного заключения.

3. Письма текстуально отражают внутренний мир жертвы террора, ее эмоциональное потрясение от внезапного ареста и страдание в местах лишения свободы. Интент- и контент-анализ письменных обращений свидетельствуют о родовом трайбализме казахского народа, соперничестве кланов в период силовой модернизации Казахстана.

4. Концептуальные подходы позволили сформировать новые конструкты и заполнить страницы истории политического террора, реконструировать социокультурную память о трагических событиях, выявить новые исследовательские парадигмы. Общим намерением авторов писем были реабилитация и возвращение в ряды советского общества.

5. Эго-документы могут стать незримым контактом с «людьми минувших времен»⁵⁴, мы сможем взглянуть на мир советского общества 1920–1950-х гг. в фокусе их восприятия.

References

- Alexopoulos G. Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation under Stalin. *Law & Social Inquiry*, 1999, no. 3 (24), pp. 637–654.
- Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 272 p. (In Russian)
- Ginzburg C. *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 272 p. (In Russian)

⁵³ Архивно-следственное дело А. А. Мачулайтис // СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1954. Л. 20–21; Архивно-следственное дело Н. Полтаева // Там же. Д. 177. Л. 49–50.

⁵⁴ См.: Гуревич А. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–36.

- Golubinov Ia. Ego-dokumenty kak sposob konstruirovaniia lichnoi i semeinoi istorii: sluchai Petra i Mikhaila Gerasimovykh. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, 2019, no. 12, pp. 1–9. (In Russian)
- Gurevich A. O krizise sovremennoi istoricheskoi nauki. *Voprosy istorii*, 1991, no. 2–3, pp. 21–36. (In Russian)
- Davis N. *Damy na obochine: Tri zhenskikh portreta XVII veka*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999, 400 p. (In Russian)
- Dunaeva Iu. Ego-dokumenty v istoricheskoi nauke XX — nachala XXI v. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Ser. 5. Istorii: Referativnyi zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 14–21. (In Russian)
- Fitzpatrick Sh. *Sryvaite maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 375 p. (In Russian)
- Junge M., Binner R. *Kak Terror stal "Bol'shim". Sekretnyi prikaz № 00447 i tekhnologiia ego ispolneniia*. Moscow, AIRO–XX Publ., 2003, 352 p. (In Russian)
- Kozlova N. Opyt sotsiologicheskogo chteniia "chelovecheskikh dokumentov", ili razmyshleniia o znachimosti metodologicheskoi refleksii. *Sotsis*, 2000, no. 9, pp. 22–32. (In Russian)
- Kozybaev I. "Bol'shoi terror" v Kazakhstane. Almaty, Raritet Publ., 2019, 368 p. (In Russian)
- Le Roy Ladurie E. *Montaiiu, oksitanskaia derevnia (1294–1324)*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Press, 2001, 544 p. (In Russian)
- Mead M. *Muzhsloe i zhenskoe: issledovanie polovogo voprosa v meniaiushchemsia mire*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 416 p. (In Russian)
- Mozokhin O. *Repressii v tsifrakh i dokumentakh. Deiatel'nost' organov VChK — OGPU — NKVD — MGB (1918–1953)*. Moscow, Veche Publ., 2018, 480 p. (In Russian)
- Plamper J. *Istoriiia emotsii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, 568 p. (In Russian)
- Popova A. "Kogda zhe ona konchitsia, eta rukovodiashchaia vlast' KPSS?": obraz vlasti v soznanii sovetskikh liudei vo vremena perestroiki. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2015, no. 43, pp. 68–81. (In Russian)
- Pushkareva N. *Istoriiia povsednevnoinei. Teoriiia i metodologiia istorii*. Moscow, Uchitel' Publ., 2014, pp. 312–335. (In Russian)
- Repina L. "Personal'naia istoriiia": biografiia kak sredstvo istoricheskogo poznaniia. *Causus. Individual and unique in history*. Moscow, [n. s.], 1999, pp. 76–100. (In Russian)
- Savel'eva I. *Chto sluchilos' s "Istoriei i teoriei?"*. Moscow, Vysshiaia shkola ekonomiki Press, 2011, 44 p. (In Russian)
- Savin A. Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaiia forma politicheskoi adaptatsii sovetskikh grazhdan v 1930-e gody. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriiia, filologiia*, 2016, no. 8 (15), pp. 133–145. (In Russian)
- Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 386 p.
- Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History. *The American Historical Review*, 2002, vol. 107, no. 3, pp. 821–845.
- Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion. *History and Theory*, 2012, vol. 51, no. 2, pp. 193–220.
- Zhanbosinova A. Boris Chirkov i Lev Zalin: k biografii rukovodstva NKVD Kazakhskoi SSR. *Istoricheskii kur'er*, 2019, no. 1 (3), pp. 1–11. (In Russian)
- Zaitsev P. "Pis'mo tovarishchu Stalinu" kak ispovedal'naia forma samosoznaniia sovetskoi intelligentsii. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2015, no. 3 (139), pp. 59–61. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 14 июля 2020 г.

Рекомендована в печать 25 мая 2021 г.

Received: July 14, 2020

Accepted: May 25, 2021